

Ю. В. Трунцевский

ЦЕЛИ НАКАЗАНИЯ ЛИШЕНИЕМ СВОБОДЫ

Цель исследования состоит в постановке вопросов о целях уголовного наказания в виде лишения свободы с учетом новых реалий, в том числе новых технологий.

Основные результаты исследования отражают проблемы несовершенства наказаний в виде лишения свободы с точки зрения достижения ими целей предупреждения преступлений и реабилитации осужденного.

Сформулированы выводы относительно несоответствием между целями наказания и практикой, что имеет негативные последствия для эффективности системы, ее законности и степени, в которой она обеспечивает правосудие; необходимости уделять больше внимания эффективно доведению до сведения правонарушителей целей наказания.

Ключевые слова: гуманизм, трансгуманизм, преступление, возмездие, реабилитация, срок

Yu. V. Tryncevski

PURPOSES OF PUNISHMENT BY DEPRIVATION OF LIBERTY

The purpose of the study is to raise questions about the purposes of criminal punishment in the form of deprivation of liberty, taking into account new realities, including new technologies.

The main results of the study reflect the problems of imperfection of punishments in the form of deprivation of liberty from the point of view of achieving the purposes of crime prevention and rehabilitation of the convicted person.

Conclusions are formulated regarding the discrepancy between the purposes of punishment and practice, which has negative consequences for the effectiveness of the system, its legality and the degree to which it provides justice; the need more attention to the effective communication of the purposes of punishment to offenders.

Keywords: humanism, transhumanism, crime, retribution, rehabilitation, sentence

Введение

Принцип гуманизма в уголовно-правовых отношениях (ст. 7 УК РФ) это, во-первых, обеспечение безопасности человека – неприкосновенности его личности (жизни, здоровья, конфиденциальности), то есть охрана потенциальной жертвы (ч. 1 ст. 7 УК РФ), и, во-вторых, уголовно-правовое воздействие на нарушителя-преступника, такого характера, при котором наказание и иные меры, предусмотренные УК РФ, не должны предусматривать (иметь изначальную цель) «причинение физических страданий или унижение человеческого достоинства» (ч. 2 ст. 7 УК РФ).

Самой важной и значимой мерой уголовно-правового воздействия является наказание, которое выступает мерой принуждения лица, признанного виновным приговором суда.

Итак, наказание является одной из целей вынесения приговора (наказание может рассматриваться как синоним приговора, возмездия), при оно дополнительно выполняет такие инструментальные функции (ч. 2 ст. 43 УК РФ) как восстановления социальной справедливости, исправление осужденного и предупреждения совершения новых преступлений (снижение преступности). Вместе с тем, наказание рассматривается не как самоцель, а как ин-

струмент достижения других целей, таких как сокращение преступности, путем сдерживания и реабилитации. Назовем их утилитарным оправданием наказания.

При таком смешанном наборе (потенциально противоречивых) целей вынесения приговора трудно оценить, в какой степени приговор будет эффективен.

Результаты и обсуждение

Суровость, тяжесть наказания зависит от достигаемости целей наказания. Что касается гуманности материальных наказаний – штраф, различного рода работы, то здесь понятно, государство принуждает виновного, как бы компенсируя его вредоносное поведение штрафом либо принудительными (исправительными) работами.

Сложнее обстоит дело с применением лишения свободы (на определенный срок, пожизненного), в том числе, для возмещения правонарушителями ущерба лицам, пострадавшим от их преступлений.

Тюремное заключение используется в качестве формы наказания во всех странах мира. В большинстве стран это самая суровая форма наказания, которую могут применить суды.

Выделим тройкую цель лишения свободы (защита, наказание и реабилитация):

- во-первых, защита общества от самых опасных и жестоких людей;
- во-вторых, такое наказание лишает правонарушителей их свободы и определенных свобод, которыми пользуется остальная часть общества, и действует в качестве сдерживающего фактора;
- в-третьих, реабилитация – в местах лишения свободы правонарушителям предоставляется возможность поразмыслить о своих преступлениях и взять на себя ответственность за них, а также подготовить их к законопослушной жизни после освобождения. Только уделяя приоритетное внимание реабилитации можно сократить число повторных правонарушений и, в свою очередь, число будущих жертв преступлений. Правило 4 Правил Нельсона Манделы (The United Nations Standard Minimum Rules for the Treatment of Prisoners (the Nelson Mandela Rules, 2015) также подчеркивают важность подготовки правонарушителей к их социальной реинтеграции для оправдания тюремного заключения.

Таким образом, государство заключает с осужденным своего рода социальный контракт: тот отбывает свой срок, меняют свою жизнь и доказывает, что больше не представляет опасности для общества. Вместе с тем, места лишения свободы не всегда достигают того, для чего они существуют. Существует мало свидетельств того, что использование тюремного заключения в качестве наказания во всем мире было эффективным в достижении этой цели [1]. Причины этого разнообразны и сложны.

Например, можно заметить, что некоторые из целей лишения свободы противоречат друг другу. В частности, цель реабилитации, по-видимому, противоречит изоляции от общества, разобщению преступника с членами семьи и всем другим трудностям в местах лишения свободы.

Считается, что суровость приговора зависит от индивидуальных обстоятельств (например, личности виновного) [2] и уязвимости объекта уголовно-правовой охраны.

Однако на практике так и не удается отойти от идеи, что можно объективно ранжировать тяжесть наказания и определять то, чего оно должно достичь.

Что касается лишения свободы (тюремного заключения), то в настоящее время оно не сообщает осужденным, для чего оно к ним применяется, и, по-видимому, не обеспечивает реабилитации или сдерживания.

Тем не менее, легитимность системы уголовного правосудия основывается на представлениях о справедливости не только жертв и общественности, но и тех, кто подвергается наказанию.

Таким образом, для понимания основных целей наказания учитывается субъективный опыт наказания, субъективное понимание его и его последствий. Так как среди правонарушителей нет единого мнения о значении и функции наказания.

Для того чтобы изменить (скорректировать) современную уголовную политику в сфере наказаний (см.: Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 г., утв. Распоряжением Правительства Российской Федерации от 29 апреля 2021 г. № 1138-р) необходимо рассмотреть «ценность» наказания, то чего от него ждет приговор, общество, потерпевшие и сам наказанный.

На гуманное обращение с незащищенными людьми – осужденными за совершение преступления [3] – обращали внимание со времен Декарта, Кант и др. Данную проблему пытались решить на заре нового советского государства. Так, начальник Главного управления мест заключения НКВД РСФСР профессор Е. Г. Ширвиндт активно выступал за отмену «фетиша решеток», замену тюрем трудовыми лагерями [4].

Вместе с тем, ни один закон или суд не может корректировать приговоры с точностью, необходимой для того, чтобы их суровость точно соответствовала преступлению, не прибегая к бесчеловечным методам или существенному перестраиванию существующей правовой системы. Граница между суровым, но допустимым наказанием и наказанием-страданием нуждается в исследовании.

Рассмотрим взгляды трансгуманистов, которые считают, что все человеческое существование имеет какую-то ценность, ищут способы сохранить жизнь и максимизировать ее полезность в обществе, и предлагают альтернативные сегодняшним наказаниям меры.

Рассмотрение предложений трансгуманистов, на наш взгляд, позволит ответить на такие вопросы как: почему нам эти альтернативные меры неприемлемы? Какие ценности они нарушают? Чему они противоречат в существующей системе уголовных наказаний?

Ответив на эти вопросы, можно будет скорректировать цели и принципы применения современных наказаний, а также определить оптимальность изоляции осужденного, срока отбывания им наказания, желаемого результата реабилитации и пр., или ответить на морально-экономические вопросы – для чего налогоплательщики (в том числе пострадавшие от преступления) должны расплачиваться за тюремное заключение виновных, приговоренных на длительные (пожизненные) сроки лишения свободы: «что бы ни случилось, мы не должны продолжать тратить миллиарды долларов налогоплательщиков, чтобы держать так много преступников в тюрьме» [5]. Это этические вопросы о том, что общество ожидает от тюрьмы, потому что все знают, что «решетки» не останавливают преступника, и это плохая программа реабилитации.

2 августа 2013 г. философ-ученый Ребекка Роуч опубликовала пост в блоге (URL : <http://blog.practicaethics.ox.ac.uk/2013/08/enhanced-punishment-can-technology-make-life-sentences-longer/>), в котором изложила свои трансгуманистические идеи в отношении наказаний:

- роботы могут быть привлечены для выполнения часто физически и умственно сложной работы по охране заключенных («правосудие киборгов»), и это, на наш взгляд, означает создание безопасных тюрем с гуманными условиями жизни с упорядоченными, целенаправленными и структурированными режимами, свободными от насилия, запугивания и членовредительства: физическая неприкосновенность, исключение проникновения наркотиков, мобильных телефонов и других запрещенных предметов;
- манипулирование восприятием времени заключенными; медицинский препарат, который смог бы заставить преступника испытать то, что казалось бы более длительным приговором, изменив его восприятие времени; такой медпрепарат даст судьям возможность выносить приговоры на «длительный срок», без каких-либо затрат, сократив расходы на содержание заключенных;
- за восьмичасовой приговор с ощущением в несколько лет и несколько часов с точки зрения преступника, нескольких лет лечения, могла бы последовать его реабилитация;
- предложение насильственным преступникам, приговоренным к пожизненному заключению (возможно, смертной казни), получить возможность крионики, чтобы в будущем вернуть в живое состояние, где восстановление мозга и новые профилактические технологии (URL : <https://www.theguardian.com/science/2016/nov/18/the-cryonics-dilemma-will-deep-frozen-bodies-be-fit-for-new-life>) не позволят им совершать насильственные действия.

Почему мы не приемлем часового воздействия на осужденного, при этом полностью исправляя его поведение, взгляды, ведь это одна из целей наказания – исправить, реабилитировать. Нет, это несправедливо. Значит справедливо тратить средства на его содержание, в том числе налогоплательщиков на содержание сотрудников ФСИН? Технологии, вместе с тем смогут обеспечить отсутствие контакта сотрудников с заключенными, что вызывает сейчас коррупционные риски.

Справедливо то, что осужденный в местах свободы скорее накапливает тюремный опыт и его ожидания на будущее не связан с продолжением правопослушного поведения после освобождения. Часто наказание проявляется для осужденного иначе, чем ожидалось, основываясь, например, на презентациях тюремного заключения в средствах массовой информации.

Почему заключенные вообще должны получать справедливое обращение? Почему система уголовного правосудия должна помогать преступникам, а не наказывать их, когда они не были справедливы в отношении своих невинных жертв?

С увеличением средней продолжительности жизни человека (это цель технологий) неизбежно, следуя нашему пониманию справедливости наказания (строгость и соразмерность), будут меняться сроки таких наказаний в санкциях статей УК РФ. Опять ляжет нагрузкой на налогоплательщиков.

Отметим, что консенсус в обществе относительно ранжирования преступлений и приговоров в соответствии с их относительной серьезностью и суровостью, так и не достигнут. Представители общественности предпочитают принципы возмездия при вынесении приговоров, хотя на словах они поддерживают утилитарные цели, такие как реабилитация [6].

В свою очередь, тюрьма – это контролируемая, структурированная среда, и она накладывает рутину на жизнь заключенных. Это резко контрастирует с тем, с чем сталкиваются бывшие заключенные после освобождения. Тюрьма, таким образом, может достичь противоположности реабилитации (т. е. приобретенной беспомощности), если заключенные становятся зависимыми от институциональных процедур [7], что свидетельствует о провале системы социального обеспечения и упущенных возможностях для предупреждения преступности («теория сдерживания»). Немногие заключенные рассматривали свое заключение как сдерживающий фактор для совершения будущих правонарушений. Поэтому существует идея о том, что места лишения свободы должны быть более карательными, чтобы усилить их сдерживающий эффект [8].

И здесь на практике мы видим разнонаправленность соответствующих тенденций: одна часть общества ратует за ужесточение наказания, другая, в том числе, уголовно-исполнительная система – стремится обеспечить гуманное отношение к осужденным в местах лишения свободы, облегчить условия их содержания. В большинстве стран мира можно найти, по крайней мере, одну национальную или международную неправительственную организацию, которая работает над улучшением условий содержания заключенных и привлечением внимания общественности к правам заключенных (см., например: Международная амнистия, Международный комитет Красного Креста и Международная пенитенциарная реформа) [9]. Поэтому тюремное заключение признается серьезным и суровым наказанием. При этом все разговоры об ужесточении ответственности касаются исключительно увеличения сроков наказания. Так, по УК РСФСР 1922 г. лишение свободы назначалось «на срок от шести месяцев до десяти лет» (ст. 34), УК РСФСР 1926 г. – «от одного года до десяти лет, по делам о шпионаже, вредительстве и диверсионных актах – на более длительные сроки, но не свыше 25 лет» (ст. 28), УК РСФСР 1960 г. – «от трех месяцев до десяти лет, а за особо тяжкие преступления, ... – не свыше пятнадцати лет» (ст. 24); УК РФ 1996 г. – «от двух месяцев до двадцати лет» (ч. 3 ст. 56).

То есть модель этих мер (карательный поворот) такова: «мы посадим этого человека в тюрьму на долгое время. И это, пожалуй, все, что мы можем вам предложить». Уголовная политика становится более карательной, отправляя в места лишения свободы больше людей и держа их там дольше.

Получается, сегодняшняя цель такой политики – увеличить сроки «гуманного» содержания в местах лишения свободы. Однако если дать осужденным слишком много удобных предметов для времяпровождения, они, возможно, не станут размышлять о том, что они сделали неправильно, и выйдут из тюрьмы такими же, какими они были, когда совершили преступление. Исследования показывают, что более суровая тюремная обстановка может привести к противоположному сдерживанию и вместо этого увеличить рецидивизм [10]. Хотя опыт тюремного заключения должен удерживать от совершения новых преступлений, чтобы избежать тюрьмы в будущем.

Оказывает ли тюремное заключение сдерживающий эффект, может зависеть от качества жизни до и после тюремного заключения, так что более высокое качество жизни за пределами тюрьмы усиливает сдерживающий эффект тюремного заключения.

И здесь также уместно поставить вопрос: назначение наказания на срок, например, 5 лет – это время на реабилитацию только для самого осужденного или за этот же срок должны будут ликвидированы те факторы, которые способствовали совершению рассматриваемого преступления – социальные, экономические и иные.

Заключение и выводы

Итак, очевидно несоответствие между многочисленными целями наказания и практикой, что имеет негативные последствия для эффективности системы, ее законности и степени, в которой она обеспечивает правосудие. Это важно с точки зрения общественного доверия и жертв, а также в отношении восприятия правонарушителем справедливости. Хотя уголовная политика в настоящее время выражает приверженность широкому кругу целей наказания, она не достигает ничего, кроме наказания ради наказания (на субъективном уровне это нарушает принцип соразмерности). Изоляция осужденного в нынешней форме также не выполняет коммуникативной функции наказания.

Эффективная уголовная политика требует определенной уголовной философии, которая затем может формировать уголовную практику. Проблема нынешней системы вынесения приговоров в виде лишения свободы заключается не только в человеческих издержках, но и в подразумеваемой идее о том, что суровость наказания может объективно измеряться и увеличивается за счет введения более длительных сроков отбывания наказания. Вместо этого необходимо признать, что любое наказание болезненно, но воспринимается по-разному в зависимости от индивидуальных уязвимостей и личных обстоятельств. Лишение свободы не обязательно является более болезненным, чем альтернативные варианты, а это означает, что альтернативные санкции могут также служить карательной цели наказания за более серьезные преступления.

Однако сложным является вопрос в том, как следует оценивать субъективные переживания при вынесении приговора. Это может быть реализовано посредством процесса «согласованного вынесения приговора» [11], в котором обсуждение между соответствующими заинтересованными сторонами (включая правонарушителя, жертву и сотрудника службы пробации) в идеале привело бы к консенсусу относительно соответствующего приговора.

Чтобы обеспечить общую справедливость и избежать излишне суровых приговоров, при вынесении приговора следует руководствоваться принципом минимального вреда: соответствующее наказание должно быть таким, которое, как ожидается, достигнет желаемой цели (с учетом субъективной тяжести и серьезности преступления) и причинит наименьший возможный вред с точки зрения социальной изоляции и ожидаемых последствий для психологического благополучия.

В этой связи неоправданно назначать длительные сроки заключения, если необходимо достичь цели исправления осужденного. Справедливого наказания можно добиться, не прибегая к длительным срокам лишения свободы и особо суровым условиям его отбывания. Следует уделять больше внимания эффективному доведению до сведения правонарушителей целей наказания, чтобы заключенные знали, что есть путь к лучшей жизни. Возмездие же за

серьезное преступление, например, за насильственную педофилию повторно («Единая Россия» внесла законопроект о пожизненном за педофилию. 10.09.2021. URL : <https://www.interfax.ru/russia/789551>), должно нести исключительный целевой характер.

Литература

1. Imprisonment Worldwide: The Current Situation and an Alternative Future / A. Coyle, H. Fair, J. Jacobson, R. Walmsley. – Bristol : Policy Press, 2016. – 112 p.
2. Диваева, И. Р. Средства индивидуализации наказания и их роль в назначении наказания / И. Р. Диваева, Т. В. Николаева. – Текст : непосредственный // Актуальные проблемы права и государства в XXI веке. – 2018. – Т. 10, № 4. – С. 88–91.
3. Международное уголовное правосудие: современные проблемы / под редакцией Г. И. Богуша, Е. Н. Трикоз. – Москва : Институт права и публичной политики, 2009. – 749 с. – Текст : непосредственный.
4. Ширвиндт, Е. Г. Система мер социальной защиты и проблемы ее реформы. Основы и задачи советской уголовной политики / Е. Г. Ширвиндт. – Москва ; Ленинград, 1929. – 155 с. – Текст : непосредственный.
5. The Hidden Cost of Incarceration // The Marshall Project. – URL : <https://www.themarshallproject.org/2019/12/17/the-hidden-cost-of-incarceration> (date of application: 15.08.2021).
6. Carlsmith, K. M. The roles of retribution and utility in determining punishment / K. M. Carlsmith // Journal of Experimental Social Psychology. – 2006. – Vol. 42 (4). – P. 437–451.
7. Haney, C. The psychological impact of incarceration: Implications for post-prison adjustment / C. Haney // Paper presented at the 'From prison to home' conference : Working paper prepared for the 'From Prison to Home' Conference (January 30-31 2002). – 2002. – P. 77–92.
8. Рассказов, Л. П. Лишение свободы в России: истоки, развитие, перспективы / Л. П. Рассказов, И. В. Упоров. – Краснодар, 1999. – 490 с. – Текст : непосредственный.
9. Трунцевский, Ю. В. Международное пенитенциарное право : лекция / Ю. В. Трунцевский. – Москва : Юрист, 2001. – 48 с. – Текст : непосредственный.
10. The pains of imprisonment revisited: The impact of strain on inmate recidivism / S. J. Listwan, C. J. Sullivan, R. Agnew [et al.] // Justice Quarterly. – 2013. – Vol. 30 (1). – P. 144–168.
11. Duff, R. A. Punishment, communication and community / R. A. Duff // Debates in contemporary political philosophy / eds. D. Matravers, J. Pike. – London : Routledge, 2003. – P. 387–407.